

Кузнецова Олеся Васильевна, Смолина Наталья Сергеевна, Маренинова Валентина Викторовна
ФУНДАМЕНТАЛИЗМ VS ФУНДАМЕНТАЛИЗМ: НАУЧНЫЕ И ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Понятие "фундаментализм" рассматривается в сопоставлении с обыденными представлениями. До настоящего времени в исследованиях фундаментализма пласт обыденных представлений об этом понятии, в частности содержащийся в сети Internet как отражении обыденного сознания современного россиянина, не был задействован. Осуществляются комплексный анализ исследований по теме фундаментализма, сравнительный анализ научных и обыденных представлений о фундаментализме, выявляются детерминанты понятийного содержания в сознании российского человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 119-124. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 316.4+316.77+2.833+004.773

Философские науки

Понятие «фундаментализм» рассматривается в сопоставлении с обыденными представлениями. До настоящего времени в исследованиях фундаментализма пласт обыденных представлений об этом понятии, в частности содержащийся в сети Internet как отражении обыденного сознания современного россиянина, не был задействован. Осуществляются комплексный анализ исследований по теме фундаментализма, сравнительный анализ научных и обыденных представлений о фундаментализме, выявляются детерминанты понятийного содержания в сознании российского человека.

Ключевые слова и фразы: социальная философия; фундаментализм; обыденные и научные представления; СМИ; социальные сети; Интернет.

Кузнецова Олеся Васильевна**Смолина Наталья Сергеевна**, к. филос. н.**Маренинова Валентина Викторовна***Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина**olesyakzn@yandex.ru; smolina-n@yandex.ru; mvv.1990@yandex.ru***ФУНДАМЕНТАЛИЗМ VS ФУНДАМЕНТАЛИЗМ:
НАУЧНЫЕ И ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ©**

Работа выполнена при финансовой поддержке УрФУ в рамках реализации Программы развития УрФУ для победителей конкурса «Молодые ученые УрФУ – 2014».

Понятия в науке выступают первичным элементом построения научной картины мира. Некоторые научные понятия неизбежно попадают в лексикон обычных людей, не всегда первичные смыслы, заложенные в понятие, воспринимаются – скорее, происходит новое смысловое наполнение, а подчас искажение. Для научных исследований очень важно представлять содержание и объем понятий, чтобы можно было ими оперировать. Если невозможно определить сущность или непротиворечивые смысловые значения, то порой легче найти причины появления того или иного понятия, обозначить его эвристические возможности для объяснений тех или иных явлений. Происходящие в обыденной речи трансформации смысловых значений в определенных случаях сказываются и на научных представлениях, иногда эти изменения достаточно сложно уловить или осознать. Это происходит, когда в процессе конструирования содержания понятия участвуют власть или медиа. Одним из таких понятий является «фундаментализм» – на данный момент полисемантическое, появившееся в науке достаточно недавно, используемое как учеными, как журналистами и политиками, так и обычными людьми. Для социально-гуманитарных исследований очень важно определиться с содержанием понятия как в сфере научных представлений, так и в обыденной сфере.

Анализируя зарубежные и отечественные публикации, посвященные изучению фундаментализма, мы можем констатировать актуальность вопроса и многоаспектность темы. С одной стороны, термин «фундаментализм» стал широко употребляемым в социально-гуманитарных исследованиях, где каждая сфера знания добавляла свое особое понимание. С другой стороны, термин «фундаментализм» со страниц научных изданий перешел в речь обывателей. В конечном итоге произошло расширение его значения и содержания. Проникновение понятия «фундаментализм» в академический и общественный лексикон неслучайно и связано с процессами: транснационализма, космополитизма, плюрализма, релятивизма и передвижения людей и идей по миру; «это в свою очередь способствовало навязчивой озабоченности идентичностью, поисками подлинности и высших ценностей – как основы существования» [20, р. 482], – констатирует Дж. Нагата. Понятие «фундаментализм» содержало в себе отрицание программы «современность» и как следствие – попытки отказа от демифологизации религии, возвращения к традициям.

Первоначально понятие «фундаментализм» стало употребляться в отношении ряда протестантских христианских групп США. Описывая протестантский фундаментализм США, Д. Т. Патрик в 1926 году пришел к выводу, что «фундаментализм не был связан с любым видом религиозной нетерпимости, но был своего рода тревогой, которую испытывали серьезные и искренне верующие перед угрозой падения морали среди соотечественников, молодых и старых» [21, р. 7]. В качестве причин, послуживших толчком для выражения фундаменталистами своих позиций, стали: критика материалистической и механистической трактовки мира (например, теория эволюции Ч. Дарвина и прочие научные открытия рубежа веков); изменения, происходившие в социальной сфере, связанные с развитием капитализма; критика европейских ценностей, приведших Европу к Первой мировой войне, а также подъем большевизма, который рассматривался протестантскими фундаменталистами как результат модернизма [22, р. 28].

Первые попытки объяснить данный феномен были предприняты в США. Д. Фиа, анализируя тексты по американской истории, пришел к выводу, что американская историография зачастую описывает противоречия между фундаменталистами-модернистами в 1920-е гг. как противопоставление сельских и городских

культур или научных и ненаучных убеждений. Данная точка зрения на фундаментализм как на противостояние сельского мировоззрения городскому (*rural-urban paradigm*) утвердилась в науке после работ Ч. Фурниса и К. П. Р. Нибура. Последний считал, что фундаментализм свойственен «преимущественно жителям Среднего Запада и южанам из сельских, аграрных областей, в отличие же от них не-фундаменталисты или “модернисты” происходят из среднего класса и городских районов страны» [7, р. 207]. Продолжением споров в американской довоенной литературе стала дискуссия об антиинтеллектуалистской и антинаучной направленности фундаментализма (С. Коул, Р. Хофстедтер и др.), его связи с экстремизмом (Р. Хофстедтер), о психологии фундаменталистов (С. Коул).

Со второй половины XX века исследователи различных областей гуманитарного знания, пытаясь очертить границы фундаментализма, стали предлагать критерии для отнесения тех или иных явлений к нему. Критериями выступали: сакрализация и буквальное понимание текста, миллениаризм, резкий дуализм, представления об отсутствии альтернативы, маргинализация, «демонизация» Другого. Сформулированные критерии позволили отнести к фундаменталистским движениям маоизм, марксизм, коммунизм и т.п. Так, в интервью 1949 года профессор Р. Б. Голдшмитд, характеризуя советскую позицию в отношении генетики, назвал ее «догматическим фундаментализмом». О Т. Д. Лысенко он отозвался как о фундаменталисте. «Прежде всего, он фундаменталист. Так же, как христианские фундаменталисты верят в божественное происхождение и истинность каждого слова Библии, Лысенко верит в каждое слово его богов: Маркса, Ленина, Сталина, Мичурина. Он может опровергнуть все аргументы, всего лишь процитировав эти источники. Будучи фундаменталистом, он легко решает, что правильно, а что неправильно, и это не подлежит обсуждению. Для него нет необходимости изучать то, что он осуждает, так как он априори знает, что это не так... Несведущий читатель должен верить, что то, что он делает и говорит, на сто процентов Русское Советское (правильное – прим. автора), в то время как все его оппоненты являются предателями, подражателями иностранных идей, а также пособниками капитализма и прочими преступниками» [8, р. 39].

После иранских событий 1978-1979 гг. исламский фундаментализм становится популярным объектом исследования. Вплоть до 70-х гг. XX в. исследователи, пишущие об истории и теории фундаментализма, в основном черпали материалы для анализа из источников по христианству. Была осознана новая проблема методологического характера – с каких позиций рассматривать фундаментализм в исламе. М. Каземзаде, анализируя литературу, выделил три основных подхода в отношении исламского фундаментализма: 1) исламский фундаментализм – это уникальное явление, не имеющее сходства с другими вариантами фундаментализма, связано это с тем, что исламский фундаментализм представляет собой «не только религию, но и образ жизни» (М. Вейнер, Д. Эспозито); 2) исламский фундаментализм – это часть глобального феномена, поэтому он поддается сравнению с другими видами религиозного фундаментализма (М. Марти, Р. С. Эпплби, Н. Кедди); 3) исламский фундаментализм не рассматривается в связи с религией, так как мало общего имеет с исламом, а рассматривается как «преимущественно политическое движение среди определенных социальных классов ради достижения политической силы в своих интересах» [17, р. 52-55]. Тот же вопрос вставал перед исследователями фундаментализма в сикхизме, индуизме, буддизме, новых религиозных движениях.

События на Востоке активизировали научные исследования, именно в 80-90-е гг. выходят заметные работы, касающиеся проблематики религиозного фундаментализма (Ж. Кепель, Б. Лоуренс, М. Марти, Р. С. Эпплби, Д. Ландау, Д. Коулман, К. Нильс, Н. Мезвински, К. Линдберг и др.). Если фундаментализм в ранних работах рассматривался как религиозное движение, связанное с борьбой за нравственность и противостояние модернизму в теологии и социальной реальности, то с 80-х гг. XX в. и по настоящее время он всё чаще рассматривается через призму политики, политического действия.

По-видимому, и сам фундаментализм в течение XX века изменился. Как указывает И. В. Кудряшова, примат политики стал санкционироваться религией: «Наивысшего развития фундаментализм достигает там, где присутствует вера в возможность реализации небесного в земном, то есть налицо сочетание посюсторонних и потусторонних концепций спасения (что резко усиливает их ориентацию на преобразование имеющихся социально-политических институтов)» [2, с. 67]. По мнению Дж. Нагата, смещение фокуса фундаментализма в политическую сферу привело к тому, что «фундаменталистская идея подверглась инфляции и риску, смешавшись и обесценившись, в то же время она была бесцеремонно применена к набирающим силу пестрым политическим и этническим движениям, в которых религия выступает в качестве одного из ингредиентов» [20, р. 487]. К примеру, исламские фундаменталисты своей целью видят возрождение халифата, а иудейские фундаменталисты – единоличное владение «Эрец-Исраэлем» и освобождением «Земли Обетованной» от арабов-мусульман. Что касается христианских фундаменталистов в США, исследователь Д. Зейдан отмечает, что они обращаются к модели завета пуританских отцов-основателей, которые регулировали отношения между обществом, государством и Богом, полагаясь на божественную власть для нравственных ориентиров во всех областях. «Концепция этого завета установила кальвинистское представление о человеческой природе как изначально греховной вследствие первородного греха, не заслуживающей доверия, которой необходим внешний контроль» [23, р. 47]. Таким образом, религиозные убеждения фундаменталистов становятся их политическими установками, целью которых является создание общества, построенного по одобряемому ими социальному порядку.

В 90-е гг. появляются работы, констатирующие проявление политического измерения фундаментализма не только в религиозной сфере, но и в областях, отдаленных от нее, секулярных (экологические, феминистские, политические фундаменталистские движения и т.п.). Д. Лал полагает, что на Западе экологическое движение стало реакцией на процесс «смерти Бога», начавшийся с эпохи Просвещения [19, р. 521]. При этом экологический фундаментализм напоминает собой религиозный фундаментализм сходством ценностей.

Однако расширение границ значения термина привело и к тому, что зачастую любая политическая активность религии стала рассматриваться как фундаменталистская. Н. Р. Кедди, в целом согласная с термином «фундаментализм», обратила внимание на то, что в группу «фундаменталисты» стали включать слишком разнообразные группы, которые только выглядят или обладают некоторыми чертами явления («fundamentalist-like»). Нередко само понятие «фундаментализм» коннотирует с «американским протестантским происхождением, включает аполитические религиозные группы или экстремистский смысл» [18, р. 697], и это налагает на него определенный отпечаток. Н. Р. Кедди предлагает использовать в отношении политики части религиозно-политических движений термин «новая религиозная политика» (New Religious Politics), который бы отграничивал данные движения от фундаменталистских.

В 1990-2000-е гг. массово появляются научные исследования, описывающие отдельные аспекты проблемы, создающие впечатления проработанности темы, ее «привычности» для научной повестки. Тема женщины, гендера, сексизма и фундаментализма звучит в работах Ч. У. Пик, Дж. Д. Лове, С. Уильямс, Б. Пауэлл, Л. К. Стилман, Ш. Герами, М. Лехнер, Ф. Мернисси, М. Э. Хегланд, Л. Блейдес, Д. А. Линзер, Б. Бейт-Халлами, О. В. Карпачевой. Гуманитарии демонстрируют разнообразие отдельных аспектов проблемы: исследуется влияние фундаментализма на рождаемость (Г. Ф. Де Джонг); сравнение фундаменталистских организаций и мафии (Д. Шнейдер, П. Шнейдер); фундаментализм и город (Н. АлСайяд, М. Массуми, Р. Х. Уильямс, М. Харб, Ф. Джованнини и др.); фундаментализм и его влияние на оптимизм (Ш. Сетхи, М. Селигман) и т.д.

Ещё один аспект изучения фундаментализма в 1990-2000-х гг. связан с теорией идентичности. Е. А. Степанова пытается показать, что «фундаменталистская мания идентичности представляет собой политическую инструментализацию культурных различий... Стремление к абсолютной идентичности и к поддерживающей ее политической власти подкрепляется трансформацией культурных различий в антагонизм» [5, с. 114].

Отечественные исследования, в основном посвященные религиозному фундаментализму, появляются относительно недавно – на рубеже XX-XXI вв. Наиболее заметными из них являются работы: А. М. Верховенского, А. Б. Волкова, К. Н. Костока, И. В. Кудряшовой, З. И. Левина, И. Г. Мирского, Е. А. Степановой, В. Н. Уляхина, В. И. Челищева и др. В развитии фундаменталистской идеологии усматривается опасность для современного общества (О. В. Плешов, Е. П. Сергун, Д. С. Разанов, Д. А. Пузырев). Например, Е. П. Сергун рассматривает фундаментализм как видовое по отношению к религиозному экстремизму понятие, поскольку фундаменталисты, стремясь добиться намеченных целей, нередко прибегают к террору [4]. Доминирующим подходом в отечественной литературе является рассмотрение фундаментализма как реакции на модернизм, противодействие процессам модернизации и глобализации (Ю. Кирина, Е. Романовская, Д. А. Пузырев).

Новое и неожиданное значение фундаментализм получает благодаря СМИ. События 1978-1979 гг. в Иране (исламская революция) в медиапространстве интерпретируются через взаимосвязь ислама и фундаментализма, это становится отправной точкой для подачи последнего через «терроризм», «революцию», «ислам», «религиозный фанатизм», «нарушение прав человека». Дж. Нагата приводит исследование М. Юргенсмейера, проанализировавшего медиа и пришедшего к выводу, что события в токийском метро (1995 г.), взрыв всемирного торгового центра (2001 г.), выступления крайних израильских лидеров, взрывы в Северной Ирландии, существование клиник абортов – это «одна и та же тема». «Терроризм», «исламская революция» и «насилие», «религиозный фанатизм», «экстремизм» становятся в массовом сознании теми словами, которые включаются в смысловое поле понятия «фундаментализм».

Таким образом, понятие «фундаментализм», актуализированное наукой на рубеже XIX-XX вв., до сих пор обрело непротиворечивой сущности, признаваемой исследователями всех направлений. Содержание понятия, как мы видим, раскрывается через две мыслительные операции: это либо противопоставление в таком случае «фундаментализм» противостоит «модернизму» (modernism), либо классификация (тогда в исследованиях выделяются различные виды фундаментализма: исламский, рыночный, гендерный, либеральный и т.д.). Поиск сущностных свойств фундаментализма усложняется, во-первых, тем, что само явление фундаментализма разнородно и многоаспектно, во-вторых, тем, что фундаментализм с момента возникновения эволюционирует, приобретает новые аспекты и характерные черты, и, наконец, в-третьих, СМИ формируют собственное понимание фундаментализма, неизбежно влияющее на представления исследователей и обычных людей.

Помимо всестороннего анализа научных представлений о фундаментализме, их эволюции, мы попытались обратить свое внимание на обыденные представления о фундаментализме. Источниками этой части исследования выступают: *Livejournal.com*, социальные сети (ВКонтакте, Одноклассники, *Facebook*, *Twitter*), печатные СМИ (газеты и журналы), блоги, опубликованные на сайте радиостанции «Эхо Москвы».

Все источники можно условно разделить на две группы: визуальный текст и словесный текст. В обоих случаях автором текста выступает пользователь – посетитель сайтов, выбранных нами для исследования. Авторство текста значения не имеет, так как для нашего исследования первостепенно то информационное сообщение, которое содержится в источнике: *что* сказано, а не *кем* сказано. В источниках первой группы анализируются текст в контексте изображения, сам контекст использования этого сообщения. В них наблюдается доминанта невербальной информации. Словесный текст – это комментарий посетителя сайта на новостное сообщение или текст пользователя социальной сети и комментарий на него.

Метод анализа источников: источники были проанализированы нами с помощью метода контент-анализа и визуального анализа. Контент-анализ позволяет проанализировать массив словесных текстов и результатов коммуникации пользователей в сети *Internet*. Данные, полученные в ходе контент-анализа, подвергнутся нами последующей интерпретации. Предмет интерпретации: причины такого понимания фундаментализма и выявленного отношения к явлению среди интернет-пользователей. Проведенный ранее анализ точек зрения

о сущности фундаментализма в современных научных исследованиях позволит сопоставить понимание «фундаментализма» на научном и обыденном уровнях. Эта мыслительная операция позволит сделать выводы о корреляции обыденных представлений с научными. На гипотетическом уровне нам представляется, что обыденные представления лишь отчасти соотносятся с научными точками зрения. В конечном итоге мы получаем возможность говорить об истоках обыденных представлений о фундаментализме.

Критериями для анализа были выбраны следующие:

1. Представления о фундаментализме, его понимание и отношение к объекту исследования через лексемы, употребляемые говорящим.

2. Степень эмоциональности говорящего (через лексемы, характеризующие эмоциональное отношение говорящего, употребление ненормативной лексики, частота подобной лексики, ее разнообразие, наличие ругательств в чей-либо адрес).

3. Чувство страха по отношению к явлению (наличие опасений о грядущем будущем, боязнь последствий или прямое наименование этих чувств и т.д.).

4. Степень лояльности говорящего к фундаментализму (насколько говорящий допускает, поддерживает фундаментализм, видит его положительные стороны).

Результатами проведенного анализа стали следующие выводы.

1. В интернет-источниках, проанализированных нами, фундаментализм рассматривается по большей части как религиозный фундаментализм (присущ, как правило, исламу или православию; например, в комментариях к записям Живого Журнала, проанализированных нами, в 25% комментариев говорящий относит явление фундаментализма к исламской религии, в 15% комментариев – к православию; в 19% записей *Twitter* фундаментализм рассматривается как исламский (мусульманский), в 19% записей – как православный). Ислам, как правило, отождествляется с терроризмом, отношение к которому резко негативное (такие ассоциативные ряды в речи говорящего встречались нами только в социальных сетях; возможно, это объясняется спецификой аудитории социальных сетей). В целом негативный контекст доминирует: «...ополченцы отравлены православным фундаментализмом», термин «фундаментализм» ассоциируется со страхом, хаосом, угнетением личности. О негативности контекста свидетельствует лексика, употребляемая говорящим: «догматическое мышление», «предрассудки», «квоинствующий фундаментализм», «фанатизм», «фашизм», «слепая вера». Реже упоминаются другие виды фундаментализма, не связанные с религией: духовный фундаментализм, правозащитный фундаментализм, гендерный фундаментализм, законодательный фундаментализм.

Примечательно, что в *Twitter* пользователи говорят о «путинском фундаментализме» (встречается в 6,4% записей, проанализированных нами). Православный же фундаментализм выступает объектом обвинений со стороны говорящего: «виновник всех бед», «религиозный тоталитаризм».

На первый взгляд, говорящий, употребляя термин «фундаментализм», не всегда осознает смысловую его нагрузку. Можно предположить также, что представления интернет-пользователей сформированы публикациями в СМИ. Чтобы обосновать или опровергнуть это предположение, мы проанализировали тексты журналистов ведущих газетных СМИ, доступных на сайтах. Всего проанализировано 32 статьи (газеты: Российская газета, Коммерсант, Новая газета). Наиболее частое словосочетание – «исламский фундаментализм» – встречается в 34% статей. При этом еще в 41% статей употребляется термин «фундаментализм» применительно к исламу и исламским странам. В 56% статей исламский фундаментализм трактуется в негативном контексте, журналисты употребляют следующие лексемы: «исламитизм», «исламское государство», «исламский режим», «исламские радикалы», «фундаментализм джихада». Чаще всего в поле зрения журналистов, рассматривающих данное явление, оказываются страны: Иран – 9% записей, Афганистан – 9% записей. В 6% случаях исламский фундаментализм связывается с ограничением прав женщин. Например: «Нельзя ходить на высоких каблуках, нельзя стоять у окна, нельзя ездить на велосипеде, нельзя танцевать – религиозный фундаментализм весь состоит из запретов» [1]. Фундаментализм в контексте христианства рассматривается лишь в 6% статей (в негативном контексте). Понятие «фундаментализм» рассматривается авторами не только в религиозном контексте. Примеры другого контекста (12,5%): «рыночный фундаментализм», «эстетический фундаментализм советского режима», «политический фундаментализм».

Можно сделать вывод, что доминанта в рассмотрении фундаментализма исключительно в рамках религии, вероятно, формируется СМИ. Однако непонятным остается «умолчание» СМИ о фундаменталистских проявлениях православия.

2. Чтобы измерить заинтересованность, увлеченность проблемами фундаментализма, мы попытались оценить степень эмоциональности говорящего через лексемы, характеризующие эмоциональное отношение, через употребление ненормативной лексики, частоту подобной лексики, ее разнообразие, наличие ругательств в чей-либо адрес. Ругательство говорящего воспринимается нами как вербальная агрессия, цель которой – нанести «психологический удар» предполагаемому противнику. Исследование показывает, эмоциональность у говорящего появляется, если речь идет о православном фундаментализме. Например, «опять фундаментальности христианские воду мутят! когда уже успокоятся!!» (орфография и пунктуация пользователя сохранены) [14]; «Ох уж этот президент... и православный фундаментализм при нем стал процветать на Украине какую вон какую кашу заварили» [15]. Более того, мы не обнаружили вербальной агрессии в адрес других видов фундаментализма (исламского, экологического, рыночного и т.д.) при всем негативном отношении, например, к исламскому фундаментализму. С определенной степенью вероятности этот факт можно проинтерпретировать следующим образом: православие является для российского общества доминирующей религией, оно ближе, чем ислам.

3. Для полного понимания фундаментализма мы попытались измерить чувство страха по отношению к явлению у говорящего. Страх – это базовая эмоция человека, она сигнализирует о состоянии опасности. Страх обусловлен грозящим реальным или предполагаемым бедствием. При этом говорящий может осознавать это чувство и прямо проговаривать его, именовать. В ином случае о страхе (неосознаваемом говорящим) может говорить вера человека в теорию заговора.

По большей части говорящий отождествляет фундаментализм с такими понятиями как «опасность», «деспотия», «насилие». Здесь можно отметить, что опасность и негативные риски, связанные с фундаментализмом, фиксируются в Живом Журнале, блогах Эха Москвы, публикациях СМИ (газетных и журнальных), комментариях к ним: например, «серьезные риски наступают для России – рост наркотрафика, трансграничной преступности, неуправляемые потоки беженцев и мигрантов, фундаментализм» [3], «Именно исламисты-фундаменталисты представляют сейчас большую опасность и угрозу...» [9].

В социальных сетях доминируют высказывания, содержащие ссылку на теорию заговора. На «интеллектуальных» сайтах чувство страха не именуется и не проговаривается, присутствует лишь ощущение опасности.

4. В нашем исследовании мы будем трактовать лояльность как благожелательное, безусловно положительное отношение к фундаментализму. Анализ массива источников показал, что наиболее частотное отношение – это нейтральное. Редкий пользователь поддерживает фундаментализм и положительно его оценивает. Однако такие встречаются, например, одна из записей Живого Журнала содержит позитивное отношение к фундаментализму: «...для фундаментализма самое главное – взгляд на семью, на традиционное распределение ролей» [10].

Наиболее благожелательное отношение встречаем среди пользователей социальных сетей, Живого Журнала. Среди посетителей сайтов СМИ (газетных, журнальных) положительные оценки фундаментализма встречаются реже, тогда как в социальных сетях мы встречаем даже одобрение развития исламского фундаментализма. Так, к примеру, два человека выразили одобрение захвату боевиками городов Мосул и Бахдида в Ираке, посчитав это событие началом халифата: «Халифат ИншаАллах» [16].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, понятие «фундаментализм» стало использоваться российским человеком с недавних пор. До распада Советского Союза эти темы были «под запретом» в советской прессе. На этот запрет работали мифологема «Дружбы народов» и незаинтересованность советского человека проблемами религии, так как первое качество человека – его советскость, приверженность советским идеалам, а национальный и религиозные вопросы на повестке дня не стояли. Явление проникает в социальную реальность вместе с событиями, происходящими на Северном Кавказе в 90-е гг. XX века. Именно там кроются истоки негативного отношения к исламу вообще и исламскому фундаментализму.

Во-вторых, по частоте высказываний, содержащих обсуждение явления фундаментализма, можно сказать, что тема не является актуальной для российского обывателя. Фундаментализм появляется в обсуждениях пользователей не сам по себе, а в связи с другими событиями (Украина, Чечня, терроризм и т.д.) Более того, некоторые СМИ обходят эту тему стороной, в государственных СМИ фундаментализм вообще не обсуждается как журналистами, там и пользователями.

Если проследить динамику употребления понятия «фундаментализм» в лексиконе обывателя, то можно четко обозначить временные пределы использования того или иного сопутствующего значения или смысла. Так, например, «православный фундаментализм» появляется в речи только в 2000-х. Связано это со многими событиями и процессами: изменением места религии в обществе, активизацией РПЦ в политической жизни страны (Русская православная церковь в XXI века стала самостоятельным политическим субъектом, реагирующим на важнейшие политические события в стране и за ее пределами, дающим самостоятельную оценку этим событиям), введением в школьную программу «основы религиозных культур и светской этики», «выступлением» *Pussy Riot* в Храме Христа Спасителя и последовавшим за этим выступлением судебным процессом.

Стоит отметить, что понятие «православный фундаментализм» в основном употребляется в связи с украинскими событиями. Наиболее часто его используют пользователи социальных сетей. Из контекста комментариев и сообщений видно, что рассматриваемый феномен люди ставят в один ряд с осуществлением «империалистической» с их точки зрения политики России по отношению к другим государствам (чаще всего к Украине): «Ох уж этот президент... и православный фундаментализм при нем стал процветать. на украине какую вон какую кашу заварили»; «Да, фундаменталистов сейчас везде хватает и на Украине их не меньше. И на Кавказе и на Ближ. Востоке. Одни беды от них» [15]. Понятие «фундаментализм» становится инструментом, который позволяет говорящему оспаривать чуждые мировоззренческие идеи. Так, например: «три главные политические идеологии православного фундаментализма Дугина: 1убивать 2убивать 3убивать» [13], «православные ваххабиты строят на основе православно-евразийского фундаментализма новый псевдорусский анклав» [12], «вата НИКОГДА не прозреет для них рашка и все что с ней связано – это религия православно-рашистский фундаментализм» [11]. Православными фундаменталистами называют не только россиян, но и украинцев, которые участвуют в военных действиях на стороне Донецкой народной республики и Луганской народной республики. Более того, можно сделать вывод об имплицитном характере употребления понятия «фундаментализм» в политическом контексте. Фундаментализм в сознании человека связан с политикой, религиозный аспект фундаментализма встраивается в политический, сливаясь в конечном итоге в одно сопутствующее значение слова.

Заключение. Таким образом, термин «фундаментализм» к настоящему времени закрепился в научном обороте, при этом продолжается активное осмысление и уточнение понятия «фундаментализм»: с момента появления понятия и до настоящего времени большинством исследователей трактуется через концепцию модерности, со временем смещаются акценты рассмотрения фундаментализма с этического на политический аспект.

Фундаментализм становится частью обыденных представлений российского человека с середины 90-х гг. XX века. Распад советского государства, секулярного по своей сути, повлек за собой процесс десекуляризации,

который в ряде случаев описывается обыденным сознанием с помощью понятия «фундаментализм». Одновременно понятие «фундаментализм» становится категориальной рамкой для описания фигуры Другого, конституирующего коллективную идентичность российского человека.

Негативные коннотации фундаментализма в России обусловлены «медийной картиной реальности» (понятие «фундаментализм» в 90-е гг. использовалось СМИ для описания событий происходящих на Северном Кавказе). СМИ заимствуют понятийный ряд из научного лексикона для описания происходящих событий и их интерпретации, при этом нередко трансформируя смыслы, что является одной из причин соединения в обыденном сознании понятий «религиозный фундаментализм» и «экстремизм», в этот же ряд включается «ислам». Вместе с тем, в 2000-е гг. словоупотребление «исламский фундаментализм» не является доминирующим и заменяется синонимически воспринимаемыми понятиями «радикализм», «исламизм», «экстремизм», «терроризм». С другой стороны, в обыденном лексиконе все более употребительным становится словосочетание «православный фундаментализм», отождествляемое с комплексом имперского величия и доминирующим в постсоветской реальности дискурсом патриотизма.

Список литературы

1. **Кичин В.** Документальный конкурс ММКФ преподаст урок гуманизма [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/19/dokmmkf-site.html> (дата обращения: 20.08.2014).
2. **Кудряшова И. В.** Фундаментализм в пространстве современного мира // ПОЛИС. 2002. № 1. С. 66-78.
3. **Латухина К.** Путин призвал укрепить южные рубежи РФ [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: www.rg.ru/2013/05/08/afganistan-site.html (дата обращения: 20.08.2014).
4. **Сергун Е. П.** Соотношение понятий «религиозный экстремизм» и «религиозный фундаментализм» // Правовая культура. 2012. № 2 (13). С. 99-103.
5. **Степанова Е. А.** Фундаментализм и мания идентичности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. Вып. 8. С. 94-116.
6. **Челищев В. И.** Фундаментализм и фундаменталисты. М.: РГСУ, 2010. 528 с.
7. **Fea J.** An Analysis of the Treatment of American Fundamentalism in United States History // The History Teacher. 1995. Vol. 28. № 2. P. 205-216.
8. **Goldschmidt R. B.** Russian Fundamentalism // The Science News-Letter. 1949. Jan. 15. Vol. 55. № 3.
9. <http://echo.msk.ru/blog/rustam888/1228946-echo/> (дата обращения: 19.08.2014).
10. <http://k-alessandra.livejournal.com/8698.html> (дата обращения: 18.08.2014).
11. <https://twitter.com/ArkovArtem/status/502133825955450881> (дата обращения: 21.08.2014).
12. https://twitter.com/_АТТА_/status/496987256759263232 (дата обращения: 21.08.2014).
13. <https://twitter.com/misto13/statuses/496019685025284096> (дата обращения: 21.08.2014).
14. <https://vk.com/bogirusi3553> (дата обращения: 02.09.2014).
15. <https://vk.com/club46262601> (дата обращения: 02.09.2014).
16. <https://www.facebook.com/bbcussian/photos/pb.190992343324.-2207520000.1408391950./10152219553153325/?type=3&theater> (дата обращения: 19.08.2014).
17. **Kazemzadeh M.** Teaching the Politics of Islamic Fundamentalism // PS: Political Science and Politics. 1998. Vol. 31. № 1. P. 52-59.
18. **Keddie N. R.** The New Religious Politics: Where, When, and Why Do «Fundamentalisms» Appear? // Comparative Studies in Society and History. 1998. Vol. 40. № 4. P. 696-723.
19. **Lal D.** Eco-Fundamentalism // International Affairs (Royal Institute of International Affairs). 1995. Vol. 71. № 3 (Ethics, the Environment and the Changing International Order). P. 515-528.
20. **Nagata J.** Beyond Theology: Toward an Anthropology of «Fundamentalism» // American Anthropologist. 2001. Vol. 103. № 2. P. 481-498.
21. **Patrick G. T. W.** The Convergence of Evolution and Fundamentalism // The Scientific Monthly. 1926. Vol. 23. № 1. P. 5-15.
22. **Woodberry R. D., Smith C. S.** Fundamentalism et al: Conservative Protestants in America // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 25-56.
23. **Zeiden D.** A Comparative Study of Selected Themes in Christian an Islamic Fundamentalism Discourses // British Journal of Middle Eastern Studies. 2003. № 1. P. 43-80.

FUNDAMENTALISM VS FUNDAMENTALISM: SCIENTIFIC AND EVERYDAY CONCEPTIONS

Kuznetsova Olesya Vasil'evna

Smolina Natal'ya Sergeevna, Ph. D. in Philosophy

Mareninova Valentina Viktorovna

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

olesyakzn@yandex.ru; smolina-n@yandex.ru; mvv.1990@yandex.ru

The notion “fundamentalism” is considered in relation to everyday conceptions. Up to date, the layer of everyday conceptions about this notion especially contained on the Internet as the representation of the everyday consciousness of the modern Russians has not been involved in the studies of fundamentalism. The complex analysis of researches on the topic of fundamentalism and the comparative analysis of the scientific and everyday conceptions of fundamentalism are carried out, and the determinants of conceptual content in the Russian people’s consciousness are revealed.

Key words and phrases: social philosophy; fundamentalism; everyday and scientific conceptions; mass media; social networks; Internet.